

УДК 159.923:316.6

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ТРУДАХ В.М. БЕХТЕРЕВА

Г.М. Андреева

Аннотация

В статье поднимается вопрос о причинах недостаточного внимания к исследованию социально-психологического наследия В.М. Бехтерева. В этой связи анализируются основные противоречия в его творчестве, касающиеся данной области знания и объясняемые методологической ориентацией на общие механистические принципы концепции рефлексологии (использование в «коллективной рефлексологии» законов неорганической и органической природы, неопределенность статуса социальной психологии «между» психологией и социологией и др.). Вместе с тем утверждается, что обозначенные противоречия способствуют развёртыванию продуктивной дискуссии по многим актуальным сегодня проблемам: предмет социальной психологии, включая проблему «больших» социальных групп; содержание процесса общения, в частности, включения в него элементов взаимодействия; психологические характеристики коллектива и др. Делается вывод о том, что сам факт инициирования таких дискуссий свидетельствует о значимости социально-психологических идей В.М. Бехтерева, их созвучности современным поискам социальной психологией своей новой парадигмы XXI века.

При исследовании поистине энциклопедического наследия В.М. Бехтерева относительно скромное место занимает анализ его социально-психологических работ. Вряд ли можно считать причиной их незначительный удельный вес – коллективная рефлексология сама по себе достаточно яркий элемент всей системы взглядов ученого. По-видимому, дело в том, что в этой части наследия, с одной стороны, наибольшее количество противоречий, а с другой – особая близость к острым социальным и даже политическим проблемам, анализировать которые, по крайней мере в период становления отечественной социальной психологии, не представлялось первостепенным. Это не умаляет, а, напротив, увеличивает значение тех работ, которые в свое время были выполнены М.Г. Ярошевским [1], Е.А. Будиловой [2], Б.Д. Парыгиным [3], Ю.А. Шерковиным [4] и, конечно, А.В. Брушлинским и В.А. Кольцовой, подготовившими специальное переиздание социально-психологических трудов В.М. Бехтерева и предложившими в вводной статье их подробный анализ [5]. Сомневаться же в том, что эта часть наследия Бехтерева сегодня имеет огромное значение, не приходится.

Вряд ли есть необходимость излагать основные положения взглядов В.М. Бехтерева по всему спектру социально-психологических проблем. Необходимо лишь напомнить те хронологические рамки, в которых Бехтерев сформулировал свои взгляды по этим проблемам. Как известно, социальная психо-

логия на Западе приобрела официально свой статус в качестве самостоятельной дисциплины в 1908 г., когда одновременно в Европе и в Америке вышли два первых систематических изложения соответствующих курсов (В. МакДугалла и Э. Росса). В.М. Бехтерев еще в 1898 г. обратил внимание на анализ социально-психологических аспектов внушения, а впервые полностью изложил свою позицию в 1911 г. в работе «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки». Таким образом, практически время «начала» социальной психологии в нашей стране и на Западе идентично. Вместе с тем, особого развития дисциплина в России не получает: ее не существовало в виде университетских курсов даже в Петербурге. И именно Бехтереву принадлежит идея открыть в созданном им в 1908 г. Психоневрологическом институте кафедру социологии во главе с М.М. Ковалевским и Е.В. де Роберти, где в курсе М.М. Ковалевского впервые были поставлены в полном объеме проблемы соотношения социологии и социальной психологии. В программах курсов по общественной психологии, называемой вслед за Г. Тардом «интерментальной» психологией, были поставлены практически все вопросы, входящие в компетенцию социальной психологии: формы и средства общения, классификация групп, взаимодействие индивида и группы [2].

При этом важно отметить одну деталь, которая имеет значение для понимания междисциплинарного характера наследия Бехтерева: проблемы социальной психологии первоначально разрабатываются им в рамках *социологии*. Впрочем, это вообще было характерно для ситуации России начала века: развитие социально-психологических идей осуществлялось преимущественно не в недрах психологии и даже не только в рамках социологии (П.А. Сорокин), но и более широкого спектра общественных дисциплин, будучи включенным в общий социальный контекст (труды Л.И. Петражицкого, Л.Н. Войтоловского, Н.К. Михайловского и др.). Акцент на «социологический» аспект социальной психологии в работах Бехтерева становится в этих условиях понятным.

Вместе с тем, В.М. Бехтерев, занимая особую позицию в психологии, естественно в рамках своего системного подхода, не может не обсуждать социально-психологические проблемы и в контексте психологии. В этой связи хотелось бы выделить два момента, касающиеся непосредственно *методологических* вопросов в предложенной ученым концепции социально-психологического знания. Именно в этой области больше всего в его наследии противоречий и, вместе с тем, больше всего неиспользованных резервов, важных для сегодняшнего развития социальной психологии. Эти два обстоятельства тесно связаны между собой: каждое из обнаруженных в этой области противоречий в работах Бехтерева само по себе содержит стимул для продуктивной дискуссии, а значит, способствует тому, что преодоление этого противоречия приводит к прогрессу в развитии дисциплины. С этой точки зрения особенно интересно проанализировать значение работ Бехтерева в свете поисков новой парадигмы в социальной психологии, выдвинутой на рубеже XX и XXI столетий в мировом развитии этой дисциплины.

Итак, о *противоречиях*.

Хорошо известно, что в общих рамках рефлексологического подхода Бехтерев выделяет в особую строку «коллективную рефлексологию», призванную

исследовать при помощи объективного метода всю проблематику, относимую сегодня к социальной психологии: «Отсюда очевидно, что в «коллективной рефлексологии», как мы будем называть новую дисциплину, мы можем говорить о проявлении соотносительной деятельности целой группы лиц и об их внешних реакциях при тех или иных условиях, а не о субъективной стороне их психики, которая остается в этом случае вне поля исследования» [6, с. 28]. Необходимость создания такой дисциплины продиктована невозможностью применить, как считает Бехтерев, традиционный для психологии субъективный метод при анализе особого рода реальности. Важнейшей проблемой при этом становится поиск таких законов, которые обеспечат объективность исследования. По мысли Бехтерева, это должны быть те же самые законы, которые действуют в неорганической и органической природе. Как известно, названы 23 таких закона, например: закон сохранения энергии, тяготения, отталкивания, инерции и др. [6, с. 193]. Этим сразу же обусловлено одно из важнейших противоречий всей концепции коллективной рефлексологии: в то время как многократно подчеркивается *сложный* характер явлений социальной реальности, при ее исследовании предлагаются законы, действующие при объяснении более *простых* явлений¹. Хотя этих законов и насчитывается двадцать три, они в совокупности не создают адекватную методологическую базу для изучения специфической реальности и не могут преодолеть неоднократно отмечаемый механицизм подхода.

Важно, однако, что, наряду с предлагаемой параллельностью действия универсальных законов в органической, неорганической и «надорганической» реальности, содержание их в последней наполняется *особым* смыслом, когда, по существу, утрачивается «универсальный» характер закона. Можно привести некоторые примеры. Так, когда иллюстрируется действие «закона тяготения» в социальной среде при возникновении центров цивилизации, физическое содержание этого закона прослеживается весьма скудно, в то время как гораздо более определено и ярко называются различные *экономические, культурные и политические* факторы, способствующие этому процессу [6, с. 208]. Сама идея «тяготения» при этом наполняется таким специфическим содержанием, что, по существу, может быть просто опущена при анализе.

Также в значительной мере формальным оказывается применение закона «отталкивания», действие которого показано на примере конкуренции и соперничества. Описывая вполне реальные ситуации конкуренции в обществе (между людьми, различными учреждениями, национальными традициями), Бехтерев, хотя и приписывает их причину «силам отталкивания», делает недвусмысленный вывод: «Основной причиной этого отталкивания и разъединения является природное и социальное неравенство между людьми, из которых последнее может быть устраняемо культурой» [6, с. 210]. Сказанное с очевидностью свидетельствует о достаточно противоречивом характере идеи единых «универсальных» законов. Более того: создается впечатление вообще о «параллельном» существовании своеобразной методологической канвы и содержательной трактовки отдельных явлений. По существу, интерпретация огромного массива

---

¹ В этом можно убедиться, просмотрев полный перечень этих законов [6, с. 193–349].

самых разнообразных явлений дается как бы *вне* этой канвы. Вместе с тем, сам акцент на необходимости такой «канвы» весьма продуктивен: во-первых, потому что способствует построению *системы* науки, во-вторых, потому, что обозначает настойчивый поиск объяснения *единых* принципов мироздания. Повидимому, на ранних этапах такого поиска неизбежным явилось преувеличение роли «общих законов» в ущерб столь же концептуальному анализу законов специфических.

Второе, по существу, аналогичное противоречие возникает при анализе «*особости*» коллективной рефлексологии в *системе наук*, в частности, ее положения относительно психологии и социологии. Характерно, что одновременно настойчиво подчеркиваются два тезиса: то, что коллективная рефлексология – это *особая* дисциплина, и вместе с тем, то, что она возникла в русле *социологии*. Достаточно вспомнить такое определение: «Коллективная рефлексология и представляет собой опыт построения одной из областей социологии, называемой часто также общественной или социальной психологией» [6, с. 19]. Этими акцентами обозначается другая сторона уже отмеченного противоречия. С одной стороны, принадлежность коллективной рефлексологии к социологии доказывает ее ориентированность на объективный метод (в отличие от психологии), с другой стороны, сама социология, по мнению Бехтерева, «опиралась до сих пор на две научные дисциплины: биологию и психологию». Психология, таким образом, «допускается» в число источников коллективной рефлексологии, правда, не в той ее форме, как она представлена в современной Бехтереву науке, а в форме «рефлексологии». Вообще вопрос о «допущении» психологии в контекст коллективной рефлексологии достаточно сложен. Одна из провозглашаемых характеристик объективного метода заключается в том, чтобы *исключить* психологическую терминологию из анализа явлений, связанных с «собирающей деятельностью», а с другой стороны, уже в самом определении коллективной рефлексологии говорится об изучении «*психологической* (подчеркнуто мной – Г.А.) *деятельности собраний и сборищ*» [6, с. 8]. В другом месте предметом коллективной рефлексологии называются «проявления общественных настроений, соборного умственного творчества и коллективных действий многих лиц, связанных друг с другом теми или другими интересами...» [6, с. 46].

Такого рода противоречие отражает объективную трудность определения предмета социальной психологии, занимающей пограничное положение между социологией и психологией. Не случайно, при характеристике существа коллективной рефлексологии допускается иногда отождествление ее с социальной психологией («...коллективная психология и социальная психология, по нашей терминологии коллективная социальная рефлексология» [6, с. 41]), иногда же последняя именуется «так называемой социальной психологией», т. е. наукой, не соответствующей требованиям объективного метода. Тем не менее, если отвлечься от специфической терминологии Бехтерева, то обозначенное противоречие представляет собой важнейший повод для дискуссии, продолжающейся до настоящего времени.

Впрочем, противоречивый характер определения коллективной рефлексологии сказанным не ограничивается. Что же касается противоречий во внут-

реннем содержании коллективной рефлексологии, то важнейшее из них, на наш взгляд, проявляется при исследовании соотношения *психологии индивида и общественной психологии*. Известно, что необходимость решения именно этой проблемы явилась основанием для построения различных концепций в истории социальной психологии. Для Бехтерева «поведение личности подчинено законам общественности. Каждая личность является до известной степени рабом обычая и формы, выработанных обществом», т. е. она выступает «в значительной мере социальным продуктом, а не самобытной особью» [6, с. 69–70]. Именно этим обусловлена недопустимость переноса субъективного метода исследования личности на исследование «собирающей личности». С этими утверждениями нельзя не согласиться. Но далее при выяснении взаимодействия личности с «соотносительной (т. е. социальной – Г.А.) деятельностью» возникает противоречивое утверждение: с одной стороны, эта деятельность, обладающая своими законами, представляет собой *равнодействующую* деятельностей входящих в нее личностей, а с другой стороны, эти законы *аналогичны* законам, «управляющим» деятельностью личности. Как видно, это противоречит основной посылке Бехтерева о том, что *нельзя* переносить находки в исследовании личности на изучение «собирающей личности», каковой является коллектив. Здесь, наряду с очень точной и образной формулировкой о существовании в группе «равнодействующей» действий отдельных личностей, присутствует уступка общим позициям рефлексологии, т. е. вновь содержательное рассмотрение конкретного явления принудительно включается в русло принятой схемы.

Поэтому не случайно, что обозначенные противоречия соседствуют с глубочайшими соображениями о специфике тех или иных социально-психологических закономерностей. Противоречивость ряда принципиальных положений коллективной рефлексологии, очевидно, объясняется в значительной степени общей ситуацией и особенностями существовавших в науке того периода тенденций – господства механистических взглядов в противовес открытой идеалистической традиции. Отсюда – настойчивый поиск выхода из тупиков устаревшей парадигмы. Так или иначе, противоречия, возникшие при построении коллективной рефлексологии, касаются принципиальных вопросов существования социальной психологии, и поэтому их осмысление актуально и сегодня, особенно в размышлениях о необходимости новой парадигмы этой дисциплины в XXI столетии.

Можно выделить несколько проблем, обсуждаемых в современной социальной психологии, для решения которых наследие Бехтерева особенно значимо.

Первая из них – *предмет социальной психологии как науки*. Позиция Бехтерева по этой проблеме в дискуссии 20-х годов известна: социальная психология и есть «коллективная рефлексология». Но вот вопрос о том, насколько четки ее границы с социологией, с одной стороны, и с психологией – с другой, до сих пор ожесточенно дискутируется. Начиная со второй половины XX столетия прочно укоренилась идея «двух социальных психологий: «социологической» (SSP) и «психологической» (PSP). Позже возникло утверждение о существовании еще и третьей социальной психологии, которая представлена современными

ми версиями символического интеракционизма [7]. Здесь нет смысла вникать в содержание этой дискуссии – оно достаточно хорошо известно. Важно обратить внимание на одну существенную деталь, зафиксированную уже Бехтеревым: социальная психология неизбежно включает в себя двоякого рода проблематику – и положение личности в группе, и психологическую характеристику самих групп. Поэтому-то и возникают два возможных акцента в содержании дисциплины: психологический и социологический.

Их соотношение в традициях разных стран складывалось по-разному: в США, например, официально узаконены две социальные психологии [8, с. 25]. Что же касается отечественной традиции, то здесь после «второго рождения» социальной психологии в конце 1950-х – начале 1960-х годов довольно прочно утвердился «психологический» вариант¹. Следствием явилось противоречивое отношение к проблематике *больших социальных групп*. В ряде руководств эта проблематика вообще отсутствовала [9], в других представлена была лишь в крайне идеологизированном виде [4]. В последние годы, правда, происходит определенный бум в исследованиях по этой проблеме, в особенности обусловленный радикальными преобразованиями, происходящими в России на протяжении последних двадцати лет [10]. Здесь-то и обнаруживается прозорливость Бехтерева, отмечавшего не только общую значимость изучения психологии больших социальных групп, но и ее особую важность при осмыслении поворотных пунктов в истории, в том числе – в истории России.

Анализ психологии больших социальных групп рассматривается в современной социальной психологии как инструмент ее большей «социологизации» [10], что, в свою очередь, порождено требованием сохранить в полной мере «социальный контекст» при рассмотрении различных социально-психологических феноменов. Но, по существу, необходимость учета такого контекста находим во всех работах Бехтерева по коллективной рефлексологии: достаточно просмотреть страницы «Коллективной рефлексологии», посвященные анализу условий сплоченности коллективов, в частности в период «тяжелых общественных кризисов и общественного разброда»².

«Законность» существования больших групп в качестве предмета исследования социальной психологии неоднократно подчеркивается уже при самом перечне «коллективов» (по существу, синонима «групп»): это «толпа, публика, собрания, рабочие коллективы, школа, организованные орды, родовые и корпоративные союзы, мир и государственный коллектив». В других случаях сюда добавляются семья, род, племя, народ, сословие, каста, секта, партия, класс, профессия, круг читателей, церковь и пр. [6, с. 85]. Очевидна неоднородность обозначенных здесь групп, когда наряду с традиционно изучаемыми в социальной психологии малыми группами упомянуты *разные* виды больших групп, как стихийные, так и организованные. Но именно это обстоятельство делает подход Бехтерева крайне современным.

¹ Лишь относительно недавно усилиями тогдашнего президента Советской социологической Ассоциации Т.И. Заславской социальная психология «получила прописку» и в рамках социологических дисциплин, под тем же номером специальностей ВАК, что и в психологических науках – 19.00.05

² Здесь ссылки на активное участие партии эсеров в Февральской революции, на бесплодность Московского совещания в наиболее критический момент русской революции, на провал голосования в Совет республики по проблемам государственной обороны [6, с. 94].

Упомянутая выше высказанная С. Московичи в 70-е годы прошлого столетия идея необходимости «социологизации» социальной психологии опиралась, в частности, на требование включать в анализ и психологию больших социальных групп. Так, в развиваемой еще с 1950-х годов проблематике *межгрупповых отношений* (особенно усилиями А. Тэшфела) в качестве субъектов этих отношений стали рассматриваться не только малые, но и большие группы. Несомненно, важной причиной возрождения интереса к ним послужили радикальные преобразования, происходящие в мире в конце XX – начале XXI столетия. Начиная с бурных студенческих выступлений 1968 г., массовых протестов в США против войны во Вьетнаме, активизации борьбы за гражданские права, движения «зеленых» в Европе все более очевидной становилась мысль о необходимости исследования психологии именно больших социальных групп. Сегодня – это важнейший раздел всех руководств по социальной психологии. Необходимо заметить, что в отечественной традиции сразу после второго «рождения» социальной психологии проблема исследования психологии больших социальных групп была поставлена очень остро [11]. Нами неоднократно утверждалась необходимость ее включения в определение *предмета* социальной психологии [8]. Характерно, что постановка проблемы больших социальных групп у Бехтерева сочетается с проблемой *социальных движений*. Включение последней в ткань социальной психологии часто рассматривается сегодня как существенное нововведение, поскольку ранее социальные движения обычно интерпретировались как предмет социологии. Вместе с тем, в работах Бехтерева проблематика не только узаконена как социально-психологическая, но и даны некоторые ее конкретные разработки. Например, предложен анализ *этапов* развития социального движения: «...ни одно общественное движение не начинается сразу: оно зарождается постепенно, причем вначале проходит стадию скрытого состояния, когда в силу общественной косности или инерции оно лишь мало-помалу, иногда в течение большого числа лет пробивает себе дорогу, пробиваясь на общественную арену» [6, с. 140]. Все это поразительно близко современным рассуждениям о механизмах слома социального консенсуса – темы, активно разрабатываемой в психологии социального познания¹.

Особое значение имеют при этом те глубокие соображения, которые были высказаны Бехтеревым по поводу *социальных изменений*. Сам факт апелляции к этой категории при разработке коллективной рефлексологии весьма примечателен: прежде всего, фиксируется связь между «общественным движением» и «линией поведения коллектива как целого» [6, с. 134], т. е., *в принципе*, признается необходимость сопоставления жизни социальной группы с событиями, происходящими в социуме. Об этом свидетельствуют приводимые примеры: явления экономической жизни в условиях рынка, революционные события в России, такие конкретные факты, как наступление Корнилова на Петербург и др. При этом подчеркивается роль нововведений в общественной жизни, при-

---

¹ Так, в работах видных теоретиков этого направления А. Тэшфела (об этапах нового консенсуса) и С. Московичи (о соотношении взглядов меньшинства и большинства) четко прописан механизм становления совокупности новых взглядов по поводу каких-либо значимых социальных явлений: зарождение определенной идеи в умах отдельных представителей общества, далее восприятие ее меньшинством, наконец превращение этой идеи в идею большинства (см. [12]).

водящих к тому, «что может быть названо *общественным сдвигом* (подчеркнуто мной – Г.А.), то более быстрым, то более медленным, смотря по обстоятельствам». Следующий за этим пассаж поражает своей актуальностью: «...чем дольше длился общественный застой, основанный также на подражании старине, тем больше развивается стремление к новизне, к нововведениям, и потому вслед за эпохами застоя в обществах обычно следуют эпохи возрождения и переворотов, и при этом последние протекают тем бурнее, чем дольше держался застой и чем более прежний порядок являлся пережитком старины» [6, с. 138–139]. Здесь легко увидеть прямую «подачу» осваиваемой сегодня заново идеи *коллективной памяти*.

Трудно переоценить значение таких позиций при изложении проблем коллективной рефлексологии, т. е. именно *социально-психологической*, а не только социологической проблематики: здесь очевидно зарождение тенденции, которая сегодня превратилась в один из наиболее значимых вызовов новой парадигмы социальной психологии. В эпоху радикальных социальных трансформаций конца XX – начала XXI столетия *социальные изменения* стали не просто значимым фактом новой ситуации, но и выступили обязательным предметом исследования всей совокупности общественных наук, и, что особенно следует подчеркнуть, – социальной психологии. В прошлом ни понятийный аппарат этой дисциплины, ни ее методологическое обеспечение не были приспособлены для исследования изучаемых ею феноменов в контексте социальных изменений. Весь арсенал науки так или иначе был сконцентрирован на анализе относительно неизменных законов социального поведения, адекватных стабильному обществу. Лишь глобальные социальные потрясения второй половины XX века привели к ломке принятых стереотипов исследования, причем особый акцент на этой проблеме был сделан европейскими социальными психологами в ответ на недооценку его в американской социальной психологии.

В общем плане специфику подхода современной социальной психологии к исследованию социальных изменений обозначил А. Тэшфел. Он полагал, что «изменение» – фундаментальная характеристика социального окружения человека, обуславливающая выбор им линии поведения. Поэтому подлинным предметом социальной психологии должно быть исследование отношений Человека и Изменения [13]. Естественно, что особенный интерес представляет анализ взаимодействия человека и радикальных социальных преобразований, что стало таким актуальным в современных обществах. Провозглашаемая сегодня новая парадигма социальной психологии так и именуется – «парадигма изменения», в отличие от старой парадигмы – «парадигмы системы». Угол зрения, предлагаемый социальной психологией, в отличие от социологии, – рассмотрение того, как человек *воспринимает* социальное изменение. Для этого необходимо прежде всего объективный анализ характера самих изменений и лишь затем – разработка средств и методов оказания психологической помощи человеку, направленной на то, чтобы *принять* эти изменения и *совладать* с ними [12].

Все это – актуальные задачи российской социальной психологии наших дней. И в этом смысле уроки подхода Бехтерева поистине бесценны. В его работах находим анализ целого ряда трансформаций современного ему общества, при этом обнаруживается глубина предпринятого им анализа различных объек-

тивных социальных событий (он активно ссылается на современные ему проблемы экономической жизни, вникая в весьма специальные вопросы спроса и предложения, в проблемы криминального поведения и т. п.). Такого рода смелые вторжения в собственно социальную проблематику не традиционны для многих современных социально-психологических исследований: возможно, зачастую сказывается известная «робость» психолога по отношению к такому анализу или предположение о том, что это лишь «чисто» социологическая задача. Отмеченная выше ориентация Бехтерева на социологический аспект социальной психологии всегда преодолевала такого рода опасения, что не мешало ему глубоко и полно выявлять и «чисто» психологические стороны проблемы.

Наряду с общими проблемами социальной психологии, в трудах Бехтерева много принципиальных соображений и по конкретным вопросам, имеющим сегодня большое значение. Естественно, прежде всего это касается проблем *коллектива* и создания, по существу, первой теории его построения и развития.

Круг вопросов, поднимаемых при этом, весьма широк. Рассматривая особенности коллективной рефлексологии и ее отличий от социологии, Бехтерев определяет специфику ее подхода к пониманию коллектива. С одной стороны, это внимание к соотношению коллектива и *личности*, выяснение того, «как путем взаимоотношения отдельных индивидов в общественных группах и сглаживания их индивидуальных различий достигаются социальные продукты их соотносительной деятельности» [6, с. 37]. При этом особый акцент делается на *отношениях*, возникающих внутри коллектива, что также относится к специфическим задачам коллективной рефлексологии.

С другой стороны, существенным отличием социально-психологического подхода является пристальное внимание к проблемам *механизма образования* коллективов, изучение «способа возникновения коллективных групп и особенностей коллективной деятельности по сравнению с индивидуальной» [6, с. 40]. Значение этих положений также трудно переоценить. Известно, что проблема коллектива является специфическим фокусом отечественной социальной психологии. Если отбросить идеологическую обусловленность этого интереса, а остановиться лишь на теоретической разработке проблемы, то станет очевидным огромное методологическое значение создания психологической теории коллектива: ее важнейшим компонентом является постановка проблемы *развития* коллектива и обусловленность этого процесса развитием совместной деятельности [14]. Многие принципиальные положения теории развития коллектива находят сегодня свое место при построении *общей теории развития групп* [8, с. 233–235]¹. В ее различных вариантах обсуждаются, по существу, те же самые проблемы, которые были поставлены значительно раньше не только в психологической теории коллектива, разработанной в 70-е годы, но уже и в трудах Бехтерева, – проблемы *этапов* развития группы (вспомним, что у Бехтерева коллектив фактически является синонимом группы), связь развития

---

¹ К идее развития группы обращаются различные социально-психологические концепции, включая теорию В. Бенниса и Г. Шеппарда, разработанную в рамках психоаналитической ориентации [13]. Специальную разработку идея получила в теории «социализации группы» Р. Морленда и Дж. Ливайна, где четко прописаны, в частности, этапы развития группы и их обусловленность внешними условиями существования группы, в частности типом общественного устройства [8].

группы с развитием в ней совместной деятельности и, что особенно привлекательно, связь деятельности коллектива «с теми или иными *внешними влияниями* (подчеркнуто мной – Г.А.), которые послужили основной причиной и условиями деятельности данного собрания в том или ином случае» [6, с. 58]. Фрагменты этих проблем явственно присутствуют в коллективной рефлексологии и не потеряли своего значения в сегодняшних дискуссиях.

Особое место в связи с разработкой теории коллектива в концепции Бехтерева занимает проблема *общения*. Хотя при ее рассмотрении преимущественно анализируются подражание и внушение, т. е. «специальные» проявления общения, по существу, характеризуется процесс в целом. Несмотря на то, что это одна из наиболее проработанных и даже достаточно рутинных проблем социальной психологии, в ней, в действительности, много нерешенных задач методологического плана. Прежде всего, это соотношение двух процессов – *общения и взаимодействия* людей. Как известно, и в отечественной, и в зарубежной литературе не существует единства в употреблении этих понятий: идентичны ли они, представляет ли собой одно явление часть другого и т. п. Все осложняется еще и неоднозначностью употребления в русском языке термина «коммуникация». Представляется, что наиболее распространенная сегодня среди российских исследователей трактовка понятия «общение» близка той, которая была предложена Бехтеревым. Он трактует *общение* как сложный процесс установления контактов между людьми, включающий в себя три стороны: *коммуникацию* (как обмен информацией), *интеракцию* (как формы обмена деятельностью) и *социальную перцепцию* (как способы взаимовосприятия и взаимопонимания людьми друг друга) [8].

Если обратиться к работам Бехтерева, то легко заметить, что, хотя и в иной терминологии, там рассматриваются именно эти три процесса, составляющие в единстве феномен общения. В частности, обращает на себя внимание категоричное включение в общение, наряду с коммуникацией, *взаимодействия*, что, как известно, до сих пор является достаточно дискуссионным вопросом: «Несомненно также, что имеются формы объединения социальных групп, где средством объединения является не столько слово, сколько *действие* (подчеркнуто мной – Г.А.), возбуждающее эффективное состояние, как это мы имеем, например, в публике, созерцающей театральное зрелище...» [6, с. 100]. Здесь недвусмысленно говорится о том, что в процессе общения осуществляется также обмен действиями.

Но дело не только в констатации включенности взаимодействия в процесс общения. Выявляется его роль в различных жизненных обстоятельствах: поскольку взаимодействие как компонент общения способствует объединению людей, постольку значимым является факт обусловленности его типа *ситуацией*, в которой оно совершается («привычка к общению с людьми, создаваемая условиями самой жизни» [6, с. 117]). Так, говоря об объединяющем значении пережитых совместно событий, Бехтерев делает вывод о том, что «особенно могущественное действие в этом отношении имеют совместно пережитые невзгоды. Вообще говоря, общее неблагополучие объединяет людей сильнее, чем общее благополучие» [6, с. 105]. Как и в отмеченных ранее случаях, здесь у Бехтерева вновь четко прослеживается мысль о том, что характер взаимодейст-

вия людей в конкретной группе неизбежно вписывается в более широкий контекст деятельности. Возможно, сегодня этот принцип выглядит как тривиальный, но отнюдь не для всех социально-психологических подходов: анализ взаимодействия, как он представлен, например, в необихевиористской ориентации, не фиксирует внешних социальных условий, в которых совершается акт взаимодействия; его исследование ограничивается непосредственно малой группой, где оно происходит¹. В отечественной же социальной психологии прочно утвердилась традиция, заложенная Бехтеревым, она получила свое продолжение в применении деятельностного подхода в социальной психологии.

Что касается строго коммуникативного аспекта, то здесь уделяется особое внимание *средствам* передачи информации от человека к человеку. Наряду с описанием роли речи в этом процессе, Бехтерев достаточно подробно упоминает различные невербальные средства (жесты, мимику) и специально останавливается на так называемых «*посредниках*». При этом важен не столько сам перечень возможных посредников в общении (среди которых названы телефоны, музыкальные инструменты и даже такое нетрадиционное средство, как деньги), интересна более глубокая и общая идея относительно роли посредников в весьма широких сферах общения, а не только в его межличностной форме. Так, Бехтерев ссылается на мысль П.А. Сорокина о том, что посредниками могут выступать предметы материальной культуры. В качестве последних названы: памятники, дворцы, храмы, даже предметы домашнего быта и обстановки. Такого рода посредники могут обладать символическим значением и потому быть значимыми при общении пространственно разделенных групп. Это весьма существенный поворот проблемы, во-первых, потому, что затрагивает не слишком популярный даже и в отечественной социальной психологии «сюжет» об общении больших социальных групп, а во-вторых, потому, что вновь приглашает к обсуждению острой темы об исторической памяти. Эта проблема также переживает свое второе рождение: опираясь на исследования коллективной памяти, в том числе и на работы Бехтерева, сегодня проблема становится особенно актуальной в связи с радикальной ломкой многих социальных институтов и ценностей. Мысли Бехтерева по ряду конкретных вопросов этой проблемы поэтому и сегодня естественно вписываются в ее обсуждение. Не менее интересны и апелляции к третьей стороне общения, а именно к вопросам социальной перцепции – взаимовосприятию членами группы друг друга.

Весь комплекс проблем общения, рассматриваемых Бехтеревым, наполнен таким содержанием, которое созвучно многим дискуссионным и самым современным вопросам социальной психологии. Естественно, зачастую они сформулированы в специфической терминологии, но если посмотреть на их содержание, то станет ясным, сколь эти вопросы актуальны сегодня, хотя и не всегда соответствуют сегодняшним решениям. Это можно проиллюстрировать на рассмотрении Бехтеревым такой частной проблемы, как принятие *групповых решений*. В работе «Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии» анализируется комплекс вопросов, являющихся до сего дня предметом

---

¹ Примером могут служить исследования, выполненные в школе «диадического взаимодействия» Д. Тибо и Г. Келли или «теории элементарного социального поведения» Дж. Хоманса.

дискуссий: сравнительная ценность индивидуальных и коллективных решений, способы их принятия, феномен «выравнивания» мнений при групповом решении. Вот несколько выводов по одному из экспериментов: «В общем коллектив несомненно устраняет в значительной мере число иллюзий, хотя ошибочные воспроизведения как менее значительные заблуждения мало им исправляются. Выравнивание шло таким образом в данном опыте не вниз, а вверх» [15, с. 364]. И далее, в другом пассаже: «...коллектив в выработке общего плана какого-либо задания, критикуя отдельные взгляды, выявляет себя в положительном смысле, отмечая все крайности и останавливаясь на предположении, сделанном хотя бы одним лицом, но таком, которое наиболее отвечает цели задания. Также и другие предложения очищаются в коллективном горне, и выходят из него только те, которые наиболее соответствуют заданию» [15, с. 374]. Иными словами, при обсуждении проблемы в коллективе побеждает «выравненное» мнение, т. е. то, которое «наиболее отвечает цели задания».

Такой вывод соответствовал традиционно принимаемому в социальной психологии тезису о процессе *нормализации* группового мнения в ходе групповой дискуссии. Именно по этому вопросу в современной литературе предложена принципиально иная позиция, а именно концепция *поляризации*¹ мнений, когда в результате взаимного убеждения, приведения дополнительных аргументов мнения членов группы поляризуются и общее решение становится более экстремальным. Заявленные ранее отдельными участниками дискуссии «крайние» суждения набирают больше голосов, и мнения как бы концентрируются вокруг этих крайних позиций. Бехтерев, как видно, в данном случае продемонстрировал традиционный подход, который, тем не менее, содержит отдельные моменты, которые могут быть учтены и сегодня при обсуждении принципиально иной позиции (например, мысль о значимости крайнего суждения, сделанного «хотя бы одним лицом»).

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что противоречивый характер ряда положений коллективной рефлексологии не исключает того, что предложенный подход до сих пор способствуют продуктивному решению многих спорных вопросов. П.Н. Шихирев довольно категорично утверждал, что «все то несомненно положительное, что внес в социальную психологию Бехтерев, сделано им не вследствие, а вопреки постулируемой теоретической позиции и, тем более, не благодаря только методу» [16, с. 328]. В значительной степени, возможно, это и так, но, вместе с тем, приверженность определенной позиции позволяла построить некоторую *систему* науки и представить анализируемые феномены в их целостности.

К сожалению, как уже было отмечено, социально-психологическое наследие Бехтерева до сих пор не вполне освоено отечественными исследователями. Тем более, оно неизвестно за пределами России. Но если в свое время последнее было объяснимо в связи с общей изоляцией советской науки от междуна-

---

¹ В работах С. Московичи дано подробное объяснение этого феномена: поляризация способствует оптимизации принимаемых решений, проясняет характер взаимоотношений большинства и меньшинства в группе. Теоретический анализ других сторон этого процесса и данные экспериментов широко освещены в литературе (см., например, соответствующие разделы в работах Д. Майерса [17], М. Хьюстона и В. Штребе [18]).

родного профессионального сообщества, то сегодня прямой долг российских социальных психологов сделать это наследие гласным. Это может послужить делу внутринаучной методологической рефлексии, что необходимо при разработке новой парадигмы нашей дисциплины.

Summary

G.M. Andreeva. Methodological issues of social psychology in Bekhterev's papers.

The article raises the question of factors that lie in the essence of the lack of attention to the investigation of Bekhterev's social and psychological heritage. The main contradictions in his works, dealing with this sphere of knowledge and explainable by the methodological orientation on general mechanistical principles of reflexology concept (i. e. application of laws of non-organic as well as organic nature in "collective reflexology", the vagueness of the status of social psychology itself, standing in "between" the psychology and sociology, etc.) are being analyzed in this respect.

At the same time it is claimed that the above indicated contradictions facilitate the expansion of a discussion on different, rather acute present-day issues (*the subject* of social psychology, the problem of "big" social groups included; the content of the process of *communication*, with the elements of interaction, in particular; psychological characteristics of personnel, etc.)

It is deduced that the fact of initiating of such discussion itself is the manifestation of importance of social and psychological ideas set forward by V.M. Bekhterev, their correspondence to modern searches which social psychology is in of its new XXI century paradigm.

Литература

1. Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: Мысль, 1985. – 465 с.
2. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. – М.: Наука, 1972. – 115 с.
3. Парыгин Б.Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1999. – 324 с.
4. Предвечный Г.Л., Шерковин Ю.А. (ред.) Социальная психология. – М.: Политиздат, 1975. – 315 с.
5. Брушлинский А.В., Кольцова В.А. Социально-психологическая концепция В.М. Бехтерева // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – С. 6–21.
6. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – С. 73–91.
7. Социальная психология: саморефлексия маргинальности. – М.: Моск. гос. ун-т, 1995. – 173 с.
8. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 360 с.
9. Кузьмин Е.С., Семенов В.Е. (ред.) Социальная психология. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1979. – 288 с.
10. Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 335 с.
11. Дилigenский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Наука, 1994. – 324 с.
12. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 288 с.
13. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 269 с.

14. *Петровский А.В.* (ред.) Психологическая теория коллектива. – М.: Педагогика, 1979. – 238 с.
15. *Бехтерев В.М.* Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – С. 92–113.
16. *Шихирев П.П.* Современная социальная психология. – М.: Наука, 1999. – 354 с.
17. *Майерс Д.* Социальная психология / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1997. – 492 с.
18. *Хьюстон М., Штребе В.* Введение в социальную психологию / Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 218 с.

Поступила в редакцию
02.11.06

Андреева Галина Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета.

E-mail: gmandreeva@atom.ru